

ЭТНОЭКОНОМИКА В СУДЬБАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЮГА РОССИИ

Ю.С. КОЛЕСНИКОВ

доктор экономических наук, профессор,
зам. директора Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем Ро-
стовского государственного университета

Неэффективность экономической политики, проводимой в целях модернизации полиэтнических регионов, обусловлена недооценкой роли этноэкономики как субъекта национального хозяйства. Представленный в статье исторический анализ данного социокультурного объединения выявляет, что этноэкономика — равноправный сектор хозяйственного комплекса Юга России, обеспечивающий экономическую устойчивость этносов даже в условиях глубокого и продолжительного экономического кризиса.

В КОНТЕКСТЕ уровневого структурирования экономики в теоретической ее модели выделяются, как известно, макро-, мезо- и микроуровни. К уровню мезоэкономики, как правило, относятся отраслевое, межотраслевое, региональное структурные образования.

Однако, как показывает практика полиэтнических обществ, на уровне мезоэкономики существует еще один сегмент национального хозяйства, почти «ненаблюдаемый» статистикой и налоговыми органами. Этноэкономика и исторический опыт Юга России и Северного Кавказа в особенности подтверждают этот тезис.

А между тем неудачи и провалы попыток модернизации полиэтнических регионов во многом объясняются или «невосприимчивостью» государственной экономической политики в процессе реформаций данного сегмента экономики, или заблуждениями в оценке его действительной роли в экономической жизни.

Роль «этнических» регионов в экономическом пространстве России весьма значительна: на долю национальных республик и автономий приходится более 52% территориальных ресурсов страны, 18% ее населения, 21,7% основных фондов отраслей экономики [7].

Под этноэкономикой мы понимаем территориально-локализованный исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризуемый господством традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелкотоварных форм производства, с доминированием ручного труда, неразвитостью обмена, замкнутостью домохозяйств, использованием кустарных ремесел, надомного труда, «отходничества» и т.п.

Социальное пространство полиэтнических регионов России, и Северного

Кавказа в частности, воспроизводит такого рода отношения, которые формируют этнокультурные общности в качестве социальных и экономических субъектов исторического процесса.

Этносы обладают собственной идентичностью и самоназванием, уникальной совокупностью культурных характеристик, в основе которых лежит локализация этносов в определенном физическом пространстве.

Статусно-экономические позиции автохтонных этносов Северного Кавказа, в силу сохранения ими в значительной мере агропромышленного характера функционирования хозяйства, определяются, в первую очередь, размером и качеством занимаемой ими территории, доступностью к ресурсам и совокупностью демографических характеристик.

Территориальная локализация, определяя одинаковость условий жизни, является значимой причиной, обуславливающей организационную жизнедеятельность людей в этих природных условиях.

Характерная черта этой организации – высокий уровень внутренней консолидированности, который объясняется суровыми условиями жизни в горах, природной изолированностью поселений и традиционно-общинными отношениями внутри социума. Поселенческая локализация определяет на Северном Кавказе не только специфику культурных черт, но и различия экономических форм деятельности и возможности жизнеобеспечения.

Автохтонные этносы Северного Кавказа характеризуются сохранением в значительной степени аграрно-традиционной культуры.

Исторический анализ социальной структуры народов региона показывает, что к моменту их присоединения к Российской империи они находились на разных этапах социально-экономического развития. Общественный строй большинства народов Северного Кав-

каза кавказоведы характеризуют как полупатриархальный-полуфеодальный.

Межродовое расслоение зависело от места расположения земель того или иного рода, определяя трудовую специализацию, обмен продуктами, уровень экономического развития в целом.

В горных районах практически у всех этнических групп сохранились в той или иной форме институты общинной самоорганизации (тейпы, тухумы и др.) и городские собрания как форма самоуправления. Горцы в большой степени сохранили нормы общинного права (адаты), более жесткий контроль за экзогамией, установку на большие семьи, куначество, соседскую взаимопомощь и др. [2].

Сохранились две тенденции: тенденция к региональной интеграции и тенденция к межрегиональной конкуренции, «разрывающей» социокультурную ткань региона.

В этноэкономике используется большая часть сырьевых ресурсов, производимых частным образом, и значительная часть ресурсов общественного сектора экономики.

40–45% населения региона, отнесенные статистикой к «экономически неактивному населению» и регистрируемые ею в регионах расселения этносов Северного Кавказа, как раз составляют трудовые ресурсы этноэкономике [3].

В секторе этноэкономике производится значительная часть потребляемых товаров массового спроса, 20% продуктов растениеводства, до 75% продукции животноводства [4].

Рыночные реформы на Северном Кавказе усилили различия в уровне социально-экономического развития субъектов РФ, экономическую дифференциацию этносов. По такому, например, интегрированному показателю, как валовой региональный продукт на душу населения, субъекты РФ на Северном Кавказе отличаются друг от друга в 2–3 раза. Экономическое пространство Северного Кав-

каза представляет собой причудливую смесь элементов «государственной экономики», «рыночной экономики» и «этноэкономики».

Драматизм ситуации в регионе проявился и в том, что этноэкономика оказалась невосприимчивой как к тотально-государственной административно-распределительной системе организации экономики в советский период, так и к рыночной, осуществляемой в России по монетаристской модели в контексте процессов модернизации. Исследования показывают, что реализация проектов рыночных реформ в регионе привела, прежде всего, к свертыванию индустриального сектора экономики, усилению ее сырьевой направленности, атомизации хозяйственной жизни, углублению внутрирегиональной стратификации.

Непопулярность в регионе многих компонентов рыночных реформ, отсутствие последовательной региональной политики в значительной степени дискредитировали саму идею модернизации по западному образцу и заставили политические элиты вернуться к традиционным ценностям этноэкономики.

Это в значительной степени стимулировало процессы региональной идентификации, социально-экономическое позиционирование этносов.

Процессы модернизации, характерные для второй половины XX в., наталкивались на консерватизм, невосприимчивость к инновационным импульсам этноэкономики. Советский вариант индустриализации в условиях тотального огосударствления экономики десятилетиями третировал отрасли этноэкономики с их индивидуально-частными формами производства и распределения как питательную среду реставрации капитализма, блокируя определенную связь местной индустрии (особенно переработку) с отраслями этноэкономики.

Экономический кризис в регионах Юга России обнажил явление, скрывае-

мое ранее статистическими данными: созданная в различных республиках региона промышленность мало изменила исторически сложившийся тип хозяйственного уклада этносов.

Основной тип хозяйствования этносов существовал как бы рядом и параллельно с промышленными отраслями, которые обслуживали в основном «народно-хозяйственные» потребности. Учитывая, что раньше места на предприятиях промышленности были заполнены по большинству мигрантами из России [1], можно констатировать, что в рамках этноэкономики было занято 80–90% населения этих регионов (исключение — сферы управления, торговли, здравоохранения, образования, где удельный вес этноса был достаточно высок среди занятых).

Профессиональная дифференциация населения региона, характерная для периода индустриализации, так и не произошла в полном объеме, а новые формы экономической деятельности, вызванные к жизни модернизацией, не превратились в хозяйственный быт местного населения.

Архаично-аграрный тип производства хозяйственной жизни оказался неспособен обеспечивать в полном объеме издержки производства и социальной инфраструктуры, характерные для индустриального общества (наука, образование, здравоохранение, связь, информатика и др.). В силу этого экономика порождает явления субъектной, региональной «дотационности». Бюджеты всех республик Северного Кавказа являются дотационными.

В то же время рыночные преобразования в регионе привели к свертыванию индустриального сектора экономики усилению ее сырьевой направленности, углублению внутрирегиональной стратификации и обнажению этноэкономики как сегмента народного хозяйства.

Экономическая статистика в последние годы фиксирует ряд противоречи-

вых показателей. Так, при общем снижении реальных доходов на душу населения в 1998 г. по России в целом, вызванном финансовым кризисом августа 1998 г., в ряде республик региона (Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария) значительно вырос объем розничного товарооборота; с характеристикой этих республик как «бедных» и «депрессивных» плохо соотносится ряд социально-экономических показателей, в частности количество автомобилей, находящихся в личной собственности граждан на тысячу человек населения, который всегда выступал в России индикатором высокого материального положения.

Экономисты интерпретируют эти факты активным развитием теневого сектора экономики, особенно большой размах которого фиксируется в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии [5].

Значительная часть этноэкономики находится в тени, точнее — в латентном состоянии по отношению к статистическим и налоговым органам.

Для характеристики этой парадоксальной ситуации используем предложенный специалистами ИНП РАН индекс экономической плотности региона, выраженный как произведение показателя плотности населения на показатель величины денежного дохода на душу населения [10].

Результаты нашего расчета индекса экономической плотности в разрезе регионов — субъектов федерации существенно меняют представление об их экономических потенциалах, уровне экономической активности, «богатых» и «бедных» регионах.

Из таблицы следует, что более высокая экономическая плотность ряда регионов — республик Северного Кавказа предопределяет давление на экономическое пространство соседних регионов (Ставропольский край, Краснодарский край, Ростовская область).

Экономическая плотность регионов — субъектов РФ в ЮФО*

№	Регионы — субъекты Федерации	Показатель экономической плотности региона
1	Республика Адыгея	93,4
2	Республика Дагестан	61,4
3	Республика Ингушетия	93,4
4	Республика Кабардино-Балкария	99,8
5	Республика Калмыкия	5,8
6	Карачаево-Черкесская Республика	43,6
7	Республика Северная Осетия — Алания	198,7
8	Чеченская Республика	—
9	Краснодарский край	145,1
10	Ставропольский край	65,0
11	Астраханская область	47,4
12	Волгоградская область	39,2
13	Ростовская область	101,6

*Расчитано по: [8, с. 36–37].

Итак, этноэкономика — равноправный сектор хозяйственного комплекса Юга России, обеспечивающий, как показал исторический опыт, экономическую устойчивость этносов даже в условиях глубокого и продолжительного экономического кризиса, смягчающий удары *economy transition*.

Поэтому успешной в регионе может быть лишь та экономическая политика, которая способна соединить корпоративный, «большой» сектор этноэкономики и ее «мелкий» сектор, найти и реализовать механизмы их взаимодействия, органически «вписать» мелко-товарные формы труда и производства в развивающуюся на корпоративной основе предпринимательскую деятельность.

В сфере этноэкономики предпринимательская деятельность имеет ресурсно-хозяйственную базу для развития в следующих «подотраслях» мелкотоварного производства¹:

I. *Подотрасли переработки продукции аграрного сектора экономики:*

- изготовление изделий из меха, шерсти, кожи;
- производство ковров, войлока, красок из растительного сырья;
- переработка молока, грибов, лесных плодов и ягод;
- приготовление домашнего сыра, вяленого мяса, копченостей;
- розлив минеральной воды;
- переработка винограда, фруктов.

II. *Подотрасли по производству промышленных товаров массового спроса:*

- производство строительных и отделочных материалов из имеющегося в республике минерального сырья;
- выпуск красителей из натурального сырья;
- изготовление мебели, дверей, подоконников и т.д. из дерева ценных и менее ценных пород;
- переработка овечьей и козьей шерсти и вязание из нее высококачественных пуховых и шерстяных изделий, а также обработка кож и изготовление изделий из них;
- изготовление сувениров, прикладов для ружей, шахмат, нарда из отходов деревообработки, поделок и посуды из хлебных злаков, бересты и др.;
- производство изделий из серебра, поделочных и полудрагоценных камней и т.п.;
- выпуск подушек, одеял из пуха и пера гусей, индюков, уток и др.

III. *Подотрасли по сбору и переработке дикорастущих растений и их плодов:*

- изготовление концентратов из кизила, облепихи, калины, орехов и др.;
- сбор лекарственных трав;
- сбор и обработка грибов.

Развитие этих подотраслей этноэкономики во взаимосвязи с корпоративной «большой» экономикой обеспечит:

- расширение сырьевой базы предприятий переработки;
- дополнительную занятость населения, в том числе с неполным рабочим днем и т.п. (этноэкономика — это «гибкие» формы занятости);
- рост налогооблагаемой базы и средств местных бюджетов;
- создание «паутины» малого бизнеса и развитие социальной инфраструктуры.

Концепции федеральной региональной политики на Юге России не должны быть заложниками сложившейся в 1993—1997 гг. системы бюджетных дотаций, субвенций и субсидий, социальных трансфертов, преференций и льгот в области налогообложения, тарифов, таможенных пошлин, квот и т.п., предоставляемых субъектам РФ.

Мы разделяем здесь позицию О.С. Пчелинцева [6] о том, что в этой политике должен действовать принцип Парето: никакой экономический рост, никакое перераспределение ресурсов не должны ухудшать положения одних субъектов (регионов) по отношению к другим.

Региональная экономическая политика, ориентированная на органичное использование в системе действующих организационно-экономических форм хозяйствования структур этноэкономики, включение ее немалого потенциала в корпоративную экономику (и тем самым «облагораживание» ее), по-видимому, обеспечит более органичную модернизацию кавказских обществ.

¹ Систематизировано по монографии А.Х. Тамбиева [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СтГУ, 2000.
2. *Денисова Г.С., Радоваль М.Р.* Этноэкономика. Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000.
3. *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Экономическое развитие на Юге России и проблемы управления им. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2000.
4. *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Юг России. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2002.
5. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад сети экономического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1997.
6. *Пчелинцев О.Г.* Проблемы социально-экономического обоснования региональной политики // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1.
7. Регионы России: Стат. сб.: В 2 т. Т. 2. М., 2000.
8. Россия в цифрах. М., 2002.
9. *Тамбиев А.Х.* Регион в системе национальной экономики. М.: Экономика, 1999.
10. *Узяков М.И.* Трансформация российской экономики и возможности экономического роста. М.: ИСЭПН, 2000.